

ИРИНА РОДНИНА

СЛЕЗА
ЧЕМПИОНКИ

<http://books.vremya.ru>

Ирина Константиновна Роднина

Слеза чемпионки

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989210

Слеза чемпионки: Время; Москва; 2013
ISBN 978-5-9691-1032-8

Аннотация

Ирина Роднина по опросу ВЦИОМ 2010 года включена в десятку кумиров XX века в России – наряду с Гагариным, Высоцким, Жуковым, Солженицыным... Великих спортсменов у нас много, но так высоко народ еще не оценивал ни одного из них. И дело, видимо, не только в трех золотых олимпийских медалях – секрет в самой личности, в открытости характера, в сплассе обаяния и воли. Ирина Роднина написала честную и жесткую книгу. О многом – впервые. О многих – как никто прежде. О себе – с предельной откровенностью. Возможно, накануне зимней Олимпиады в Сочи эта книга поможет кому-то из спортсменов обрести уверенность в себе и в своей будущей победе. А болельщикам – позволит понять, какими нечеловеческими перегрузками платят чемпионы за то, чтобы мы ими гордились. И как им хочется, чтобы мы их просто любили. А почему «Слеза чемпионки»? Потому, что в жизни Ирины Родниной хватало всякого...

Содержание

От автора	4
Часть первая	6
«Калинка» в шестьдесят	6
Мама, папа, Валя и я	14
Первые коньки	26
Тренерская элита	42
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ирина Роднина

Слеза чемпионки

От автора

Я написала честную книгу, поэтому она жесткая. Тот, кто меня хорошо знает, не удивится. Я никогда ни о ком за глаза не судачила и всегда высказывалась прямо. Такая я есть, другой не буду. Правда, с годами, говорят, помягчала.

Рассказ от первого лица всегда грешит субъективностью. Я вижу ситуацию таким образом, но кто-то другой, кто в ней участвовал, может иметь совершенно иной взгляд на описанные мною события. Я старалась не лакировать свои воспоминания, а это на самом деле очень трудно. Нелегко обижать людей, что были рядом.

Я старалась вспоминать события своей жизни в той последовательности, в какой они происходили. Это получалось не всегда: одно воспоминание тащит за собой другое, из иного времени, что-то всплывает в памяти не один раз – видно, сильно меня зацепило. Часто я так и оставляла, не вычеркивала повторы – это ведь не дневник и не роман, это скорее разговор. А разговор, если он искренний, может быть и горячим, и сбивчивым – не корите меня за это.

Мне нередко ставят в упрек, что я никого не жалею. Но

должна заметить, и вряд ли кто-нибудь возразит, что всю жизнь я прежде всего не жалею себя.

Почему «Слеза чемпионки»? Весь мир обошла, стала почти символом советских спортивных побед телевизионная картинка: мы с Зайцевым стоим на высшей ступеньке олимпийского пьедестала в Лейк-Плэсиде, звучит наш гимн, поднимается наш флаг, а по щеке моей ползет здоровенная слеза. Меня до сих пор спрашивают: чего это я тогда так расчувствовалась? Да, конечно, гордость за страну. Разумеется, сильнейшая нервная разрядка после изнурительной борьбы. Но еще и огромное облегчение от того, что все позади, с фигурным катанием покончено и я наконец свободна.

Правда, очень скоро обнаружилось, как я ошибалась. Но об этом вы прочтете в моей книге.

Ирина Роднина

Москва, март 2010 года

Часть первая

«Калинка» в шестьдесят

Легче всего начинать книгу о себе с воспоминаний о последнем крупном событии в собственной жизни.

Оттремел длившийся в течение всего сентября 2009 года мой всероссийский юбилей. Как я ни противилась, спрятаться не удалось. Еще некоторое время будут сотрясения атмосферы вокруг меня, особенно из-за трансляции «Калинки» на Первом канале, а потом жизнь войдет в свою колею. Как всегда, такие праздники наваливаются неожиданно. И, как всегда, кажется, что эта дата – некий рубеж. Но на следующий день утром встаешь – и ничего не изменилось. Как жила, так и живу.

Когда в конце весны – начале лета начали заводить разговоры о юбилее, я, честно говоря, страшно этого вечера опасалась. Разговоры шли в Думе, шли дома, и Оксана Пушкина, моя лучшая подруга, конечно, стала инициатором этого праздника. Но я об этом не думала. Тут ко мне еще пришла дама с Первого канала, объявила, что они готовят про меня документальный фильм. Я его посмотреть не успела, но все уверяют, что кино получилось хорошее, в нем много интересных старых кадров. Я ту теледаму долго уговаривала:

если делать обо мне телеисторию, то в ней лучше обойтись без рассказов про сегодняшнюю Думу или про общественное движение «Спортивная Россия», одним из лидеров которого я являюсь. Хорошо бы большому пласту населения, называемому новым поколением, рассказать, отчего все так получилось. Почему мои шестьдесят лет отмечает страна, почему ко мне так относятся люди. Ведь даже тридцатилетние уже не помнят, как я каталась. Что же тогда говорить о более молодых?

Подготовка к большому празднику, откровенно говоря, сильно била по нервам. Мое участие в собственном дне рождения очень напоминало прежние времена, когда мы сами себе писали «выездные» характеристики. Чем ближе подступала дата, тем масштабнее становился размах, и я с ужасом понимала, что остановить уже ничего невозможно.

Первого августа в Лос-Анджелесе меня сбил велосипедист. Я вышла на утреннюю пробежку вдоль океана, и на дорожке он на меня наскочил. Упав, я выбила три передних зуба. Сначала был шок, а потом я себе сказала: юбилею не бывать. Я много раз в жизни падала, но так, чтобы буквально мордой об асфальт... У меня шрамы остались. Все лицо было разбито. Плюс стрессовое состояние и, конечно, маленькое сотрясение. И по дороге к своему врачу я подумала: я получила очень хорошую отговорку, чтобы ничего не отмечать. Мне даже легко стало дышать. Но потом, когда прилетела в Москву (значительно позже, чем рассчитывала: опе-

рации заняли две недели), я не сомневалась: вот и все, никаких юбилеев, а двенадцатого сентября куда-нибудь умотаю. Но не тут-то было. Весь мой офис уже работал на этот праздник, он, оказывается, не прекращал переписку с Оксаной, которая находилась со мной в Америке. Они совместно уже списки гостей составляли, придумывали программу. Оксана созванивалась с артистами. Меня поставили перед фактом, что никуда не деться, потому что множество людей уже было поставлено в известность. Мне полагалось согласовать с моей дочкой Аленой дату, когда она приедет из Вашингтона. Хотя, конечно, на меня свалилось достаточно много работы по организации, но решение большинства вопросов взяли на себя Оксана и ребята из «Спортивной России». Они очень постарались и всё сделали в лучшем виде.

Разговор о том, что меня хотят поставить на коньки, до меня дошел десятого сентября, во время пресс-конференции по поводу открытия Академии фигурного катания. Открывали мы ее с Ириной Яковлевной Рабер, префектом Северного округа Москвы и президентом столичной Федерации фигурного катания. Как всегда, журналисты все перепутали и написали, что академия носит мое имя. Мне пришлось рассказывать, что есть еще и мой центр, под который только-только выделена земля и идут обычные согласования. Я специально долго объясняла журналистам, в чем разница, но все равно они написали так, как хотели. Перед пресс-конференцией я узнала, что, оказывается, состоялся заговор Окса-

ны, Ирины Яковлевны и Ильи Авербуха. Они насели на меня с предложением выйти на лед. Я категорически отказалась. Они говорят: «Подумай». Я отвечаю: «Ребята, чего думать? Песок уже сыплется». Вернувшись из Америки, я за семь лет ни разу на коньках не стояла, почему и говорила все время, что это авантюра. Но они меня доконали. В общем, встала на коньки. Двадцать шестого сентября должно было состояться мое выступление. Тренировалась я только двадцать третьего и двадцать четвертого. И в день выступления полчаса с утра.

Надо отдать должное Илье, вечер во дворце «Мега-спорт» получился особенным. Каждый показанный номер для меня был сюрпризом, я ничего заранее не знала. Единственное, о чем меня попросили, – чтобы в первом отделении я была в чем-то красном. Потом выяснилось – это была просьба Турецкого. Его хор спел мне «Женщину в красном». Потрясли меня молодые ребята, которые выучили наши с Зайцевым программы!

Даже то, что мои чешские ученики, экс-чемпионы мира Радка Коварикова и Рене Новотны приехали, было для меня полной неожиданностью. У Радки и Рене сейчас сложные отношения. Они уже полтора года не живут вместе. Но ради меня вновь встали вместе на коньки и буквально за неделю сделали номер.

Перед этим гала-концертом Аленушка должна была улетать в Вашингтон, и мы с ней пошли ужинать. Я была в туфлях на каблуках. Выходя из ресторана, я подвернула ногу. И

тут же радостно сказала: «Теперь я точно кататься не буду». Но Илья меня доставал с утра и до вечера. Я ему пообещала: «Хорошо, я приду, сам убедишься». Я специально назначила первую тренировку на двадцать третье, за три дня до шоу, чтобы он понял: во-первых, программы нет, во-вторых, костюма нет, в-третьих, ничего нет. Мне только и надо, чтобы вся страна начала обсуждать, как я катаюсь в шестьдесят.

Здесь я должна сказать добрые слова о моем партнере, Алексее Тихонове. Я каталась с Улановым, с Зайцевым, я даже однажды встала в пару с двукратным олимпийским чемпионом Артуром Дмитриевым, когда меня уговорили принять участие в параде по случаю открытия на втором канале шоу «Звезды на льду». И должна сказать, что Тихонов – это лучший партнер. Немножко покатавшись с Артуром, я себе сказала, что больше этого делать никогда не буду: он мне никакой свободы не давал, а я не та парница, чтобы меня схватили мертвой хваткой и везли. Но Леша держит прекрасно и партнершу здорово чувствует.

Тем не менее я не могла оставаться спокойной в тот вечер. Естественно, пока я сидела на этом эшафоте в виде сцены, где я принимала поздравления, начала затекать нога, которая вся бинтом была замотана. У меня было не больше семи минут на то, чтобы переодеться, к тому же костюм прямо на мне должны были еще и зашить. Но я так решила: ладно, шестьдесят лет, если что – простят, если совсем плохо – вырежут. Поэтому я вышла совершенно... ну не то чтобы

без мандража, но черт его знает, как это чувство описать... Когда мы с Лешей на тренировках попробовали покататься, все получалось достаточно легко. При том, что предложенную Ильей поддержку я никогда в жизни не делала. В наше время она входила в число запрещенных. Но с Тихоновым все было надежно. А когда в партнере уверен, жить легче. Он, как я понимаю, натренировался, катаясь каждый год в шоу с «чайниками», а уж со мной ему сам бог велел.

Я всегда думала, что весь этот проект со «звездами» построен на смелости и наглости актеров и на высоком профессионализме спортсменов. Хотя они кататься стали, на мой взгляд, намного хуже, чем в прежнее время. Скорость у них теперь значительно ниже. На том маленьком катке, где записывают телепрограммы, мы с Тихоновым пробовали «встать в пару». Он даже перепугался, потому что никогда не катался с партнершей на такой скорости, хотя, понятно, она и у меня уже далеко не та. Дело не в том, что он меня не догоняет – он привык идти в другом ритме, а тут ему было нелегко, потому что я, скорее всего, единственная парница, которая идет в шаг партнера. Иду за счет скорости, за счет силы. Обычно все пары, если присмотреться, катаются «под партнерш». На мой взгляд, сейчас мало того что скорость невысока, так еще партнерши делают кучу мелких движений. От этого впечатление от пары только пропадает. Кажется, что кружева плетут, а на самом деле такое парное катание уже перекликается с танцами. И сразу меркнет атлетизм, чем парное катание и

отличается от спортивных танцев.

Я не знала, как люди воспримут мое катание, потому что не видела его со стороны. И слава богу, потому что если бы мне его сразу показали, я бы еще подумала, надо мне вылезать на лед или не надо. Но если бы я поняла, что мне на льду совсем никак, я бы сказала: ребята, в мои шестьдесят на фига, как говорится, козе баян. Я столько лет воевала в спорте, чтобы пятью минутами все перечеркнуть, чтобы надо мной молодежь хихикала? Но так как мне на льду оказалось достаточно комфортно, я решилась.

Конечно, это была авантюра, абсолютнейшая авантюра. У нас даже не было репетиций с этим хороводиком, который вокруг катался. Я всегда «страдала» от задумок своей подруги Оксаны Пушкиной, которая не по правилам жить не может. Она должна все время во что-то вписываться. У меня этого вообще в природе нет. Но тут я сломалась. Остальное вы или сами видели, или вам рассказали – мы прокатали юбилейную «Калинку». Мутко, министр спорта, после проката мне сказал: «Может, вы вернетесь и выступите в Ванкувере?» Но что же я буду хлеб отбирать у людей?

А еще мне сказали, что теперь в Книгу рекордов Гиннеса надо заносить мое достижение. Я возразила, что туда уже вписаны другие герои – двукратные олимпийские чемпионы Белоусова с Протопоповым. Я стала известной в спорте личностью и вообще, можно сказать, личностью, после того как именно над ними одержала победу. Сама же я ушла из спор-

та, ни разу не уступив никому своего чемпионского звания. Но чтобы рассказать об этом, надо вернуться назад – страшно сказать – более чем на полвека.

Мама, папа, Валя и я

Мой папа, Константин Николаевич Роднин, родом из Вологды. Точнее, из деревни Янино, расположенной прямо под Вологодой. Теперь она уже поглощена городом. Меня туда очень маленькой возили к бабушке. Там до сих пор живет папина сестра тетя Надя. Они все – и бабушка, и двое ее детей – удивительно похожи друг на друга. Папа рано остался сиротой: мой дедушка служил на железной дороге и на работе погиб. Бабушка Варвара детей поднимала одна.

Конечно, больше всего нами – Валею и мной – занималась мама. Причем в первую очередь Валею, потому что она старшая. Я помню две поездки, когда была совсем маленькой – сперва к одной, потом к другой бабушке. К бабушке Варваре в Вологду меня привезли ненадолго, и что мне там больше всего запомнилось – это коклюшки. На них мне бабушка показывала, как плетут знаменитые кружевные воротнички. Коклюшки – небольшой валик, где к каждой палочке привязывается нитка. И потом с их помощью плетется рисунок. Я очень хорошо бабушкино рукоделие запомнила, тем более что потом у нас, девчонок, чуть ли не самым большим украшением на наряде считались вологодские кружевные воротнички, которые бабушка сплела и моей сестре, и мне, и маме... Мы подрастали, и с одного платья эти воротнички переносили на другое. Кстати сказать, самое первое мое «фи-

гурное» платье – не то, конечно, в котором я впервые выступала на соревнованиях, а то, в котором с Улановым на чемпионате каталась, – и было украшено бабушкиными вологодскими кружевами.

Ни вышивки, ни блесок – ничего на нем не было, просто на бирюзовое платье, которое покрасили в мастерских Большого театра, мама нашла бабушкин воротничок, и мой костюм выглядел вполне достойно.

С папиной мамой я как-то сразу сошлась характером. Папина мама была очень худая, очень строгая, но при этом я ее очень любила. Потом она много раз приезжала к нам в Москву. Так как из всей родни и многочисленных друзей только мы жили в Москве, то столица для них начиналась с нашего дома. Я за все детство не помню, чтобы у нас никто не жил. Все время гости из провинции останавливались в нашем доме. Гостиниц тогда почти не было, поэтому если приезжали в другой город, то останавливались у родственников, знакомых, а нередко у знакомых знакомых. И все время у нас на полу кто-то спал, а кто-то еще и на раскладушке размещался.

У бабушки я гостила одна. Папа меня привез в Вологду, оставил на какое-то время, потом забрал обратно. Наверное, у меня остались от этой поездки четкие воспоминания потому, что в те времена мы совсем не путешествовали и каждая такая поездка откладывалась в памяти надолго. Но с другой стороны, уже так много лет прошло, что всякие подробности стерлись. Помню огород в деревне, как мы в нем копались,

и мне сейчас кажется, что довольно неплохо там время проводили.

Но сначала я попала на Украину, в Старый Оскол – к маминой маме... Мы их так и звали: мамина бабушка, папина бабушка, а по именам почти никогда. Однажды мы к ней приехали, – думаю, что это был год 1954—1955-й. Мне пять или шесть лет. Долго тряслись в поезде. Это были, естественно, плацкартные вагоны. Народу в них – до дури. Когда сошли с поезда, то не увидели никакого перрона, все совсем не так, как в Москве, даже не было вокзала. Аккуратно так сошли на землю. Нас повезли к бабушке в село. Мы добирались на телеге. Наконец доехали. Естественно, меня стали кормить, так как я весь день ничего не ела. (Я всегда плохо ела и только взрослой спортсменкой узнала, что такое аппетит.) Наверное, у мамы осталась какая-то еда, которую берут с собой в поезд – разные бутерброды, жареная картошка в банке. Когда мама стала разворачивать еду, дети маминой старшей сестры буквально замерли, затаив дыхание. Сколько лет прошло – пятьдесят, если не больше, но это навсегда врезалось в память: их взгляды, то, как они смотрели на белый хлеб – они же его никогда не видели.

Всю войну бабушка и тетя прожили на Украине. Бабушкино село рядом со Старым Осколом, и война прошла через него и туда, и обратно. Несмотря на то что Украину называли житницей страны, дети спустя десять лет после окончания войны видели только серый хлеб, вкуса белого они не

знали. А я канючила, не хотела есть, все от себя отодвигала. Они сначала с интересом на меня смотрели, потом им дали бутерброды, и через секунду они всё смели без остатка.

Я у бабушки впервые увидела козу. Почему-то она меня все время хотела боднуть. Я дико возмущалась.

Потом, я совершенно не понимала, почему каждый вечер бабушка стоит на коленях и чего это она все время лбом о пол бьется. Я там впервые увидела иконы... У нас в доме икон никогда не было, в то время, мне кажется, никто, кроме пожилых людей, в церковь и не ходил... Тем более мои родители – коммунисты.

Самым ужасным для меня было то, что я увидела, как бабушка смешивает коровий навоз, глину, солому и всем этим обмазывает... даже не хату, а пол, потому что она действительно жила в самой примитивной мазанке. Я не могла войти в дом весь день, потому что мне казалось, что я вот-вот в какую-то пакость вляпаюсь. Еще новое ощущение: меня положили на бабушкину кровать, где горой подушки, перины, – я с этого острова очень боялась сползти.

Я впервые не только живую козу увидела, но и кур, вообще все то, что называется деревенской жизнью. С мальчишками бегала воровать арбузы. Они всегда нас с сестрой брали с собой. Потом я узнала почему. Так как мы городские девчонки, да еще из Москвы, то сторож в нас солью не мог выстрелить. Мы были вроде щита для всей шайки. Масса необычных впечатлений, даже слишком много для городского ребенка.

В Вологду я приезжала, будучи уже постарше. Вологда – север, там нет такого колорита, как на юге. Даже если у кого и был огород, то там, наверное, только капуста и картошка росли. А на Украине, что в поле, что в лесу, чего только не произрастало – на мой тогдашний взгляд, даже нечто экзотическое. На Украине я в первый раз увидела маленькие арбузы: в Москве продавали только большие, а тут прямо как яблоко. Друзья воровали большие арбузы, а я собирала маленькие. Может, мне их легче было нести, не знаю. С тех пор у меня к маленьким арбузам осталась какая-то необъяснимая любовь.

Много в детстве случилось всяких событий, но эти две поездки, пожалуй, произвели на меня самое сильное впечатление.

Мама, как я сказала, с Украины. До войны жила в селе, потом обосновалась в Харькове. Она училась в медицинском институте, и когда в 1939 году проходила польская кампания, оказалась в действующей армии, потом попала на финскую войну, а потом прошла всю Отечественную. С папой они познакомились на войне. У мамы больше боевых орденов, чем у отца. Может потому, что мама раньше, чем он, столкнулась с войной. У них не только много воспоминаний осталось о войне, но и само отношение к жизни было ею определено. Кроме родственников у нас часто останавливались и боевые друзья родителей.

Как, наверное, любая южная женщина, мама готовила по-

трясающе. Даже не столько супы и котлеты, сколько десерты. Ее пирожные, что бы мне ни говорили, что бы я ни пробова-ла – самые вкусные из тех, что я когда-нибудь ела. Она была еще и очень изобретательным кулинаром. Ординарец у па-пы, когда они служили на Дальнем Востоке, до войны рабо-тал главным кондитером в ресторане «Прага», и он многому маму научил.

Мама и папа познакомились в первый год войны. Потом они потеряли друг друга. Папа решил, что мама погибла. Бы-ла сильная бомбежка, после которой медицинская служба почти вся оказалась уничтожена, а они в одной части служи-ли, папа – артиллерист, офицер, мама – военный фельдшер. Папа приехал в госпиталь, где служила мама, и ничего кро-ме воронки не увидел. А потом, где-то в середине войны, их дороги снова пересеклись.

Я так жалею, что подробностей не знаю. Не потому, что я не любила родителей или не интересовалась их жизнью. Сначала была маленькой, мне ничего не говорили. А потом получилось, что я все время безумно занята. Но одно неиз-менно: я своими родителями всегда очень гордилась. И рада, что принесла им минуты радости и гордости, хотя и хлопот от меня они имели тоже немало.

Я плохо знаю, как они жили в войну. Когда я стала что-то понимать, у меня появился всепоглощающий спорт. Есте-ственно, как любой человек в спорте, я была целиком сосре-доточена на себе. Думаю, что мама по-своему страдала от то-

го, что мы не очень интересовались ее жизнью. Но, с другой стороны, именно спорт меня научил никогда не лезть в чужую жизнь. Человек всегда рассказывает о себе ровно столько, насколько он хочет с тобой поделиться.

Вот знаю, что родители познакомились в самом начале войны. А где, не знаю, оправдывая себя тем, что была нелюбопытной. А сейчас понимаю, что была душой. Сейчас мне кажется, что самая большая моя ошибка в жизни в том, что я родителям уделяла мало внимания. Я старалась им всячески помогать, использовать свои возможности в устройстве их жизни. Но вот так – чтобы вобрать в себя родословное древо, историю их жизни – этого не делала. Они сами не стремились что-то рассказывать, особенно папа – он как северный уроженец всю жизнь был неразговорчивым. Мама же была очень общительной, веселой. Я считаю, все те изменения, что происходили в нашей семье и особенно со мной и с моей сестрой, – это, конечно, заслуга мамы. Только она ценой невероятных усилий смогла перевезти семью с Дальнего Востока в Москву. Моя сестра тогда лежала в специальной гипсовой кровати, потому что мама, будучи беременной, попала в катастрофу, и Валька родилась с большими отклонениями. Сначала даже считали, что у нее чуть ли не туберкулез позвоночника. А на самом деле было разлагающееся маленькое ребрышко. Потом я родилась – вся из себя такая больная. Не знаю, какими усилиями, но мама добилась, чтобы мы с Дальнего Востока перебрались в Москву.

Папа окончил войну подполковником, а в отставку ушел полковником. Мама же институт закончить не успела. Она до войны проучилась три курса, поэтому всю войну служила военфельдшером. А тут и Валька родилась, со всеми ее проблемами, потом я. И мама так и осталась с незаконченным высшим образованием. Хотя после войны она могла получить диплом, но уже двое детей на руках, и ей явно было не до учебы.

Думаю, характером я в нее. К тому же с годами я все больше и больше становлюсь на нее похожей. Я с детства была маминой дочкой. У нас с сестрой разница в три года, и внешне мы абсолютно разные. Никто никогда не скажет, что мы сестры. Валя больше в отца и по характеру, поэтому они тяжело ладили между собой, два довольно упрямых человека. А я южных кровей, как мама, но, конечно, она в любых вопросах мощнее, чем я. Это, может быть, и не выразилось в повседневных делах, таких как воспитание детей, но в глобальных точно – и не только в переезде с Дальнего Востока в Москву, но и в цепочке обменов: сначала одной комнаты на две в коммунальной, а потом их объединение в отдельную квартиру, при том, что никакой опоры в Москве у нее не было... На такое способна только моя мама.

Что такое столица? Раньше ведь, куда бы ты ни ехал, проезжал непременно через Москву. Мне кажется, мама для себя решила, что жить семье нужно в этом городе. И ее девочки должны получить образование только в столице. Моск-

вичка в семье я одна, потому что я единственная родилась в Москве.

Мама была заядлой театралкой. Ей могли позвонить на работу, куда угодно, сказать, что есть лишний билет на новый спектакль. Она срывалась, быстренько приводила себя в порядок и бежала в театр.

Первое время в Москве мама не работала. Мы еще жили в коммунальной квартире, и у нас у первых появился телевизор. Сколько тогда это стоило, я даже не могу себе представить. У нас появилось и пианино. И все дети нашей коммуналки сначала у нас смотрели телевизор, а потом учились играть на пианино.

Мама всегда и во всем должна была быть первой. У Вали продолжались проблемы с позвоночником, ее водили делать специальную зарядку в научный институт, дома были специальные платформы, которые папа мастерил, чтобы Вале позвоночник исправлять. Естественно, ее записали в бассейн – плавание для позвоночника полезно. Следом всю коммуналку, всех детей в бассейн повели – у нас жили пять семей, в каждой семье по двое, – всех повально отдали в плавание. Потом мама увидела, что есть запись на фигурное катание, и повела меня на каток.

Папа нас научил – и Валю, и меня – кататься и на лыжах, и на коньках, потому что для него эти виды спорта были хорошо знакомыми. Но насколько мне все эти упражнения доставляли удовольствие, настолько Валя это дело не любила.

Папа Валю сильно и не заставлял – Валя в школе училась потрясающе. Она была круглая отличница с первого класса – без единой четверки. Ее фотография постоянно висела на доске почета школы, что меня страшно раздражало. Мне же все время ставили ее в пример. Не могу сказать, что мы с ней были очень дружны, хотя она как старшая всегда за мной приглядывала. Но мы с Вале́й пожизненные антиподы. Если меня больше тянуло в физкультуру, я росла активной и даже, можно сказать, шкодливой, то она была фундаментальна во всем – в движении, в принятии решений, в получении знаний. Если она что-то задумает, то, прежде чем действовать, сперва найдет ответы на все возможные вопросы, а до того момента ничего не предпримет. Я, если надо, лечу слома голову. Она ни при каких условиях так поступать не будет. Она к любому делу подходит подготовленной. Я же, наоборот, слишком часто сначала делаю, а потом уже даю себе отчет, что произошло. За это меня всегда ругал Жук. Он меня переделывал и все же переделал, о чем потом сильно жалел, потому что я никакого его задание не воспринимала, пока он мне его подробно не объяснит. Пошла противоположная реакция. Может быть, защитная.

Валя – научный работник. Папа всегда считал, что его девочки должны получить хорошее образование. Под хорошим образованием он подразумевал, прежде всего, диплом инженера. Любой другой он не рассматривал как достойный. Поэтому Валя – инженер-математик, специалист по счетно-вы-

числительным машинам (так раньше называли компьютеры). Я считаю, что для женщины, тем более в тот период, это была тяжелая специальность. Я же свое будущее довольно рано связала со спортом. Трудно сказать, кто сыграл большую роль в моем выборе. Изначально на коньки меня поставил папа. Но папа служил, причем шесть дней в неделю. Тем более под Москвой, в Серпухове. Мы не переезжали за ним, мама совершенно четко определила: семья остается в Москве, и мы учимся. Поэтому папа к нам приезжал каждое воскресенье, а мы все каникулы проводили в Серпухове – и летние, и зимние.

Папа зимой в воскресный день обязательно ставил нас или на коньки, или на лыжи. Когда папа был рядом, утро начиналось с зарядки у открытой форточки. Валя все время стояла, да и я с тех пор утреннюю зарядку терпеть не могу: на эту заунывную музыку с утра, на эти открытые форточки у меня жуткая аллергия с детства. Но лыжи совсем другое дело! Пока папа не уехал служить в Серпухов, мы по воскресеньям обычно устремлялись в ближнее Подмосковье, в Подрезково. Всегда с бутербродами, мама их нам наготовлявала. Там была лыжная база. А вечером мы на коньках. Лыжи и коньки – это целиком и полностью папина заслуга.

А продолжение занятий – это уже достижение мамы. Валю загрузили музыкой и плаванием, меня отдали в секцию фигурного катания, и еще мама меня водила на хореографию. Я занималась в кружке Дома культуры завода Лихачева, от Та-

ганки, где мы жили, это близко, а мой первый каток – в саду имени Прямикова, тоже на Таганке, прямо за универмагом «Звездочка». Универмаг, как ни странно, остался на своем месте с тех самых пор. Мне кажется, все поменялось на Таганке, кроме этого углового серого здания. Потом на занятия в группу фигурного катания меня стали водить в парк Жданова, уже чуть подальше от дома, туда надо было добираться на троллейбусе.

Первые коньки

Я училась кататься, по крайней мере учила первые прыжки, в парке Жданова. Там одним из детских тренеров работал Яков Смушкин, который тогда еще выступал в парном катании со своей партнершей – не помню, как ее звали. Яша и был моим первым учителем в спорте. Тренеры, особенно сезонных видов, всегда подрабатывали, зима все-таки не бесконечна.

Я считаю, в Москве было три главных центра детского фигурного катания: первый – в Парке культуры имени Горького, второй – в Марьиной роще и третий – на стадионе Юных пионеров. Думаю, первым все-таки надо назвать парк имени Дзержинского в Марьиной роще. Потому что там сделали искусственный каток, на котором можно было изобразить или два «параграфа», или три «восьмерки» – обязательные фигуры, прежде входившие в соревнования одиночников, так называемая школа. Мы даже летом на нем катались, но тогда разбегались по дощатому полу, выскакивали на лед, делали прыжок, выезжали из него и опять выбегали на помост. Каток маленький, он сделан на сцене летнего кинотеатра. Но с этого льда вышли Белоусова, Валера Мешков, Кубашевская, Лена Котова. Там еще при мне работали знаменитые тренеры Новожилова и Гляйзер. Но я была еще совсем маленькая, и лично со мной они не занимались. Серьезная компания

вышла с этого крохотного куска льда.

Основным развлечением у нас считались соревнования, которые целиком и полностью проводились за счет родителей. Но они проходили, конечно, зимой, когда площадка расчищалась. Чистить лед, включать музыку и следить за ней – все это ложилось на плечи родителей.

Мы из тех времен, когда еще не было никаких спортивных школ. Меня сейчас журналисты спрашивают: а вы из какой спортивной школы? Не было тогда спортивных школ, существовали секции по различным видам спорта. Может быть, в других видах спорта школы уже и были, но в фигурном катании обходились без них, – во всяком случае, я их не помню. Впрочем, на плавание тоже записывались в секцию. Мы с Вале́й ходили в бассейн при заводе имени Лихачева. Бассейн мне напоминал парилку, потому что там все время стоял пар.

Первое мое впечатление от парка Дзержинского – что он громадный. Мне пять лет, шел шестой. Уже год как папа меня поставил на коньки. Я ходила в валенках, и он поставил меня в Валькины коричневые ботинки со снегурками и с мысочком – прямо в валенках. И я поехала. Поехала сразу. Но я очень маленькая была.

Тогда ранцев не носили. Ранец считался пережитком царского времени. Мы ходили с портфелями. В первом классе портфель я сама не носила, потому что он волочился по земле. Мне мама или Валя помогали. А тогда я легко поехала

рядом с папой. Он стоял на «ножах». Пара хоть куда – папа на «ножах» и я в валенках, вставленных в ботинки. За мной все время мотался целый хвост болельщиков: было удивительно, что такой клоп – и сама ездит. В парке Прямикова заливали две площадки, и я перемещалась с одной на другую.

Потом папа стал водить меня в парк Жданова, там больше было катков, и мама записала меня в их секцию. В парке был большой стадион, зимой его заливали. По-моему, еще и теннисные корты отводились зимой под катки. До сих пор стоит этот парк Жданова, рядом со стеной монастыря. Красота фантастическая! Красная стена, на ее фоне идет снег – тогда в Москве он был белый-белый... Стена мне казалась гигантской. Сугробы огромные, снега выпадало много. И старинные, действительно старинные, почему-то черные деревья. На них вороны. А между деревьями дорожки, которые заливались, как каналы. На их пересечении, я совершенно точно помню, девушка с веслом стояла. Мне она казалась громадной, было непонятно, где она там наверху заканчивалась, я же могла видеть только постамент. И еще несколько подобных скульптур в парке остались в памяти. Например, футболист, у которого нога стояла на мяче.

Все прыжки мы учились заканчивать в сугробе. Для меня все фигурное катание заключалось в том, что я могла разбежаться и прыгнуть в сугроб – совершенно не больно, а кайф необыкновенный. Так как переодеваться в парке, понятно, негде, то на рейтузах намораживался слой льда, отчистить

его мне было тяжело, и пока мы ехали в троллейбусе домой, с меня начинали течь ручьи.

В Ждановском парке я каталась и на своих первых фигурных коньках с ботинками. Большой радости, как ни странно, они мне не принесли, потому что были коричневыми, точнее бежевыми. Никто себе представить не может, какое это было жуткое горе. Но моего размера белых ботиночек нигде не смогли найти. Новичкам новые ботинки не покупали. Мама ботинки у родителей тех, кто их перерос, перекупала. Прежде всего, их было трудно достать, а главное, они довольно дорого стоили. Но потом у меня появились свои белые ботинки, причем ботинки не с коньками – их купили отдельно, а коньки отдельно. Я ходила в этих ботинках по квартире. А как же – высокие ботинки со шнуровкой, на каблуках. Я по очереди надевала все мамины наряды, какие-то летние шляпы, и мне казалось, что я безумно взрослая. Интересно то, что я по жизни совсем не большая модница. Я люблю одеваться, как, наверное, любая нормальная женщина, не выходя за рамки обычной моды. Но тот порыв у меня был связан только с ботинками. Надев их, я захотела уже и во всем остальном выглядеть так же хорошо.

Я уже сказала, что одним из первых моих учителей был Яша Смушкин, тогда довольно известная личность в фигурном катании. Сейчас его имя большинству любителей фигурного катания ничего не говорит. Но Яков Смушкин очень долго работал со сборной страны, входя в научную брига-

ду. Он стал одним из первых, кто уехал в Америку. Они с нынешним и тогдашним руководителем федерации Валентином Писеевым уже тогда страшно цапались и друг друга тихо ненавидели. Смушкин, уезжая, сказал, что он Писееву обязательно пришлет открыткой или письмом пластиковую бомбу. Но самая его вроде бы мелкая вредность была очень действенной, и я бы даже назвала ее изощренной. Напомню, что мировому империализму противостоял в то время Советский Союз с блоком социалистических стран. И тут Писееву, который верно служит в Госкомспорте, ходит на все партийные и профсоюзные собрания, Яша стал присылать из Америки поздравительные открытки ко всем советским и нес советским праздникам. Я считаю такое внимание изысканной пакостью.

На каток мама отвела меня не из-за каких-то особых моих способностей. Основной причиной такого решения служило состояние здоровья: я одиннадцать раз переболела воспалением легких, и меньше чем за пять лет мне скормили кучу всяких таблеток. К тому же выяснилось, что у нашего соседа по квартире открытая форма туберкулеза. А я была так устроена, что любая зараза ко мне тут же приставала. Так и я оказалась на учете в туберкулезном диспансере, а там уже лекарствами меня перепичкали. Врачи посоветовали маме, чтобы я побольше занималась физическими упражнениями, и лучше всего на открытом воздухе.

Начались прогулки с лыжами и коньками, перешедшие в

занятия фигурным катанием, где я и задержалась. Может, оттого, что я на коньки встала и сразу поехала, может, потому, что мне страшно нравилось кататься. Причем никаких далеко идущих целей по отношению к моим занятиям у родителей не возникало.

Мама считала главной своей задачей дать девочкам высшее образование. Она пошла работать, когда я уже в восьмом классе училась. Пошла в детскую больницу. А до этого все ее время было посвящено семье. Папа всегда ходил ухоженный, не помню дня, чтобы на его военном кителе не блестели пуговицы. Помню, что их натирали на специальной дощечке, куда эти пуговицы вставлялись. Воротнички всегда накрахмаленные, абсолютно белые. Кровать родителей – белый айсберг, к которому казалось страшно прикоснуться. Я никак не понимала, как мама догадывается, что я на ней прыгаю.

Нас водили в музыкальную школу и на уроки рисования. Так как у меня весь дневник был исписан буквально вдоль и поперек замечаниями и вызовами родителей в школу, мама, чтобы рационально тратить время, вошла в родительский комитет.

Хотя у нас была коммунальная квартира, но, я считаю, ее можно отнести к образцово-показательным. Родители почти все военные, все дети дружили, все учились в одной школе. Сестра до сих пор поддерживает отношения с друзьями детства. Потом соседи стали разъезжаться, москвичи начали

получать отдельные квартиры. А в квартиру въехали новые жильцы, но уже не такие, как раньше, не военные. Наш тогдашний адрес: Гончарная, дом семь. Этот дом на Таганке сохранился до сих пор. Четыре дома для офицеров стояли рядом. На Котельнической набережной, дом 3, наш – Гончарная, 7, на улице Володарского, 38. В памяти навсегда: 3, 7, 38, а недалеко еще и генеральский дом стоял. Из этих четырех домов у нас были все ребята в школе.

Мы уехали с Таганки последними. Мы квартиру не получали, а меняли, потому что были единственными, кто имел две комнаты, то есть по площади на членов семьи выходил полный порядок. А получали квартиру те, у кого не хватало метража. А у нас, как положено, приходилось по шесть метров на человека. Мама провернула какую-то невероятную комбинацию – в ней сложилась цепочка из пяти обменов, и мы переехали в отдельную квартиру в Черемушки. Тут и наступил кошмар для мамы, которая, сколько там ни жила, считала, что Черемушки ее временное пристанище. Мама, которая ростом меньше меня, жаловалась, что на нее давят потолки. На Таганке у нас потолки были на высоте четырех с лишним метров, а тут два пятьдесят. Эти два пятьдесят маму страшно раздражали. Причем у нас дом на Таганке был с балконами, с колоннами, довольно красивый. А тут мы въехали в настоящую советскую архитектуру. Она никак с ней примириться не желала.

Сейчас посчитаю, насколько затянулось мамино времен-

ное пребывание в Черемушках. Мы туда въехали, когда мне было пятнадцать лет. Я как раз в девятый класс пошла. А перевезла я ее в центр, рядом с собой, когда Сашка родился. В 1979 году. Мне уже было тридцать. Пятнадцать лет «на чемоdanaх».

У меня, когда пошли первые результаты, появилась своя однокомнатная квартира напротив ЦСКА. Потом я, уже став олимпийской чемпионкой, переехала в трехкомнатную на улице Рылеева, у метро «Кропоткинская» (теперь это Гагаринский переулок). Нам ее дал маршал Гречко, министр обороны, когда мы с Зайцевым поженились, в 1976 году, после Олимпиады. Он принимал армейцев, победителей Игр, и награждал: кому внеочередное звание, кому именные часы. Наконец подошла моя очередь. Все же стоят по росту. Я, естественно, самая последняя. Когда министр до меня дошел, а за ним вереница его помощников, он говорит: «Вы не думайте, что я Ирочке ничего не подарю, я Ирочке подарю квартиру».

Мы долго в нее не могли въехать, потому что, во-первых, Зайцев был еще не прописан в Москве, а райсовет не пропускал наш ордер, потому что у меня считался сверх-излишек площади. Но армия настояла, так как это дом построил Генштаб, а приказ о выделении мне квартиры был подписан лично Гречко. Министр сам по квартирам этот дом расписывал. Он нас поселил на одной лестничной клетке с сыном первого секретаря ЦК партии Грузии Мжаванадзе Са-

шей. Мы поначалу в этом доме были единственными двумя молодыми семьями.

По большому счету, Смушкин с нами как тренер не работал, он руководил секцией. Да и работа была сезонная: лед залили – есть фигурное катание. А вот уже в Марьиной роще настоящие тренировки шли постоянно. Там, правда, особенного отбора не существовало, но я попала в группу. Если выполнялся разряд, то в ней можно было удержаться. В парке Жданова существовали платные группы: пять рублей заплатил – и катайся. Тренер, которая работала там, начала со мной заниматься по-настоящему самая первая, но не помню, как ее звали, потому что я была у нее недолго, она зимой сломала ногу. Ее стала подменять Зина Подгорнова. Именно Зина предложила моим родителям переправить меня в парк Дзержинского. Должна признаться, что я не очень любила ездить в Марьину рощу. Во-первых, мотаться приходилось через всю Москву. На Таганке я садилась в 24-й автобус. (Тут недавно я выезжаю около Театра Армии и вижу – впереди меня идет мой родной 24-й автобус.) Он шел по Цветному бульвару через площади Дзержинского, Ногина, Солянку и до Таганки. На Таганке я влезала в него с коньками, с полной сумкой, в нем толкалась – атас полный. Первое время мама, конечно, меня возила. А автобус я так не любила, потому что меня в нем укачивало. Мы с мамой иногда вылезали из него по два раза, меня сташнивало, я приходила в себя, и мы жда-

ли следующий автобус... Для меня путь к фигурному катанию лежал, можно сказать, через всю Москву с тошнотой и остановками. Настоящие путешествия лилипута.

Но уже в восемь лет я стала ездить сама. Мама провожала меня до остановки, и я доезжала до Марьиной рощи сама. А кто-то из родителей фигуристов отправлял меня обратно. Не всегда, не постоянно, но часто. Тем более я весь этот маршрут знала наизусть. Через какое-то время папа стал курировать мое фигурное катание. Уже был построен искусственный каток в ЦСКА. 1960-й или 1961 год, точно не помню. Чемпион Советского Союза Лев Михайлов стал набирать группу фигуристов для армейского клуба. И очень многие ребята из Марьиной рощи, со стадиона Юных пионеров (потому что на стадионе тогда не было искусственного катка), потянулись в ЦСКА. Я очень хорошо помню, как Михайлов устроил просмотр. Да, абсолютно точно – шел шестидесятый год. Почему? Сейчас объясню, как я эту дату вспомнила.

Михайлов смотрел всех, но я по возрасту получалась уже немножечко переросток. С виду маленькая, но по годам не проходила в его группу. И все же он меня взял. Я думаю, что если кто-то из старожилов помнит то фигурное катание конца пятидесятих, тот помнит Льва Михайлова и его знаменитый дет-троп, прыжок-волчок в переводе с английского, его флайн-кэмел, или прыжок либела, как у нас его называют, помнят и бэк-кэмел – этот прыжок первым сделал легендарный Дик Баттон. Михайлов был нашим советским

Баттоном, уникальным фигуристом. Никто в СССР (а по телевидению фигурное катание тогда не показывали) не делал таких прыжков, поэтому он был известен узкому кругу. Я на просмотре прыгнула либелу, он меня за это и взял. Он сразу подъехал к папе и сказал, что меня зачислил.

Либела – это вращение в ласточке. То есть прыгаешь с левой ноги на правую и вращаешься назад. Именно вращение назад, вот почему называли бэк-кэмел, то есть прыжок в задний кэмел. Надо сказать, что второй юношеский разряд к тому времени у меня уже был.

А почему так врезалось в память, что шел шестидесятый год? Когда мы тренировались, нам давали самое плохое время: или рано утром, или поздно вечером. Если вечерние тренировки, то папа или мама привозили меня домой буквально на последнем поезде метро. А если рано утром, то в редких случаях родители позволяли себе везти меня на такси. Денег больших в доме не водилось: мама не работала, поэтому такси – непозволительная роскошь. Машин тогда было мало, рано утром едешь по совершенно пустой Москве. Ехала на «победе» с шашечками по борту – кайф я получала жуткий.

Тогда я попала на генеральный прогон первого советского балета на льду – Московского ледового балета, где увидела пару – Нину и Станислава Жуков. Шел шестьдесят первый год, команда не поехала на чемпионат мира, и Жуки оказались свободными. Первенство отменили после авиакатастрофы, в которой погибла вся американская команда. Но впер-

вые я увидела Стаса на чемпионате Советского Союза, который проходил тогда в Лужниках. Последний чемпионат, в котором они принимали участие. Все аплодировали Белоусовой и Протопопову, а первое место заняла пара Жуков. Когда Нина и Станислав шли к пьедесталу, народ свистел, и я видела, как Стас буквально тянет свою партнершу. И стояли на второй ступени такие скромные Белоусова и Протопопов – буквально два лебедя. Третье место заняли Галина Седова с Жорой Проскуриным.

Это все происходило ранней весной 1960-го, а осенью принималась программа балета, которую поставил Лавровский, балетмейстер Большого театра. Вот, на секундочку, какие у нас специалисты работали. Московский балет на льду много лет сохранял несколько номеров Лавровского. Его создавали знаменитая Татьяна Александровна Сац с Лавровским.

Все смотрели на Жуков и поражались, потому что Лавровский с Татьяной Александровной придумали им потрясающие номера. Мне кажется, что до сих пор таких номеров в балете нет. Один номер у них был лирический. Сказать про Жука «лирический персонаж» уже смешно. Тем не менее номер назывался «Летите, голуби, летите». Им сделали «продление рук» – как крылья. Они катались все время рядом, и «крылья» летели надо льдом, как у двух птиц. Невероятно, как этот номер придумали! Безумно красив, я до сих пор его досконально помню! У Стаса не было шеи, он во-

обще «неподвижный», и чтобы его как-то растанцевать, этими крыльями скрыли его недостатки. Второй номер поставили то ли на самбу, то ли на румбу. Сделали на костюмах огромные рукава и в руки дали маракасы. Рукава такие, что не видно ворота. Сначала они выходили на лед в сомбреро, а потом в танце шляпы сбрасывали. Эти два номера меня совершенно поразили.

Они оба не гротесковые катальщики, но Лавровский выжал лучшее из того, что они умели, а они умели кататься лучше всех в стране. Был еще номер «Лиса и Бобер» по басне Сергея Михалкова, он тоже производил впечатление. Сколько лет прошло, а эти номера передавались по наследству. Когда только-только Лужники были построены, к нам впервые приехал американский балет на льду «Айс-Капетс». Я его видела, меня папа водил, правда мы с ним сидели высоко и сбоку. Невозможно представить по тем временам, что они делали. (Много позже я познакомилась с этими артистами.) Один из номеров – это атлетического сложения «папа», который «возил» «маленькую девочку», а она у него на руке делала всякие растяжки. Меня больше всего поразило, что такой маленький ребенок, а уже выступает. Был номер, специально сделанный для Советского Союза, в нем на льду ставились ракеты, а артист через них перепрыгивал. Таким образом демонстрировалось, насколько американцы сильны. В конце выложили десять или двенадцать ракет, он и их перепрыгивал. Там выступала пара Вагнер – Пол, образцовая

для Жука, он подгонял под них все свои пары. У меня так странно в жизни складывалось: кто в моей памяти застревал, с тем я потом обязательно встречалась. Много раз себя на этом ловила.

Говорят, что спектакль американцев увидел кто-то из нашего правительства, чуть ли не Фурцева, которая велела создать отечественный балет на льду. Американские гастроли в Москве проходили осенью шестьдесят первого года, но я уже год как тренировалась в ЦСКА. Значит, я пошла в клуб в шестидесятом.

На искусственном льду мы катались очень мало. Занимались в основном зимой на стадионе, что на Песчаной. Потом стали заливать теннисные площадки в ЦСКА. В шестьдесят третьем – шестьдесят четвертом году в клубе работали чешские тренеры, а осенью 1964-го в ЦСКА пришел работать Жук. И я сразу оказалась у него в группе.

Нас, фигуристов, в ЦСКА было вообще-то не очень много. Назвать нас секцией уже нельзя, но школой рано. В армейском клубе есть хоккейная команда, значит, лед и нам перепадал. Перед Жуком, насколько я понимаю, поставили задачу – создать сильный коллектив, команду фигуристов. В армии полагалось иметь командные виды спорта. Жук стал делать спортивную пару Жук – Горелик, потому что пара его сестры Татьяны Жук с Александром Гавриловым распалась. Танцоры Виктор Рыжкин и Мила Пахомова пришли тренироваться от Чайковской к Жуку. Потом появились Валерий

Мешков, Лена Котова, со стадиона Юных пионеров пришли одиночницы Щеглова, Богданова, а за ними Галя Гржибовская. Получилась достаточно мощная команда. Потом Жук меня поставил в пару с Улановым. Но по-прежнему у нас большого числа фигуристов не наблюдалось. В ЦСКА еще не сложилась своя школа.

В Марьиной роще чем хорошо – там было много соревнований. Я считаю, что Гляйзер с Новожиловой сыграли большую роль в становлении фигурного катания в Москве. В Марьиной роще нам все время придумывали номера, обязательно весной, уже на искусственном катке. Зимой мы выступали с этими показательными номерами на естественном льду, а потом уже на маленьком каточке, как на сцене. Занавески раздвигались, родители за ними сидели, а мы крутились перед ними. Идея гениальная. Я знаю, что Наташа Бестемьянова хочет такой театр создать. Я не говорю, что он обязательно должен быть летний, но такой, чтобы с площадкой как со сценой.

Самый первый ледовый спектакль, в котором я принимала участие, это групповой номер «Белоснежка и семь гномов». Я, естественно, оказалась среди гномиков, в колпаке. Плюс борода, которая мне жутко мешала. Где-то дома сохранились фотографии с того представления. Родители нам шили костюмчики.

Мы все время соревновались с ребятами со стадиона Юных пионеров, потому что считалось, что самые лучшие

номера делали там, а наша Марьиная роща шла второй за ними. Третье место в Москве – школа «Локомотива». Я даже сейчас не помню, где она располагалась. Там работали муж и жена Васильевы. Васильева тренировала Татьяну Шаранову и Анатолия Евдокимова, брата и сестру Олеховых, Андрея и Людмилу, и оттуда вышел будущий чемпион мира Сережка Волков. «Спартак» – это Сокольники. Там уже имелся большой искусственный каток. Но, как и везде, каток открытый. Первый открытый каток олимпийского размера. На стадионе Юных пионеров был первый закрытый маленький каток, а в Марьиной роще его построили полуоткрытым-полужакрытым: крышу над ним возвели, а стены отсутствовали. В Сокольниках часто проходили чемпионаты Москвы. Зимой мы, как правило, выступали в Лужниках; там, где сейчас Малая спортивная арена, раньше находились теннисные корты, открытый теннисный стадион с трибунами. Теннисные площадки заливали, а зрители размещались на трибунах.

Тренерская элита

В фигурном катании есть несколько профессий. Есть хореограф-постановщик. Это то, что долгие годы успешно воплощали Елена Анатольевна Чайковская и Татьяна Анатольевна Тарасова. Есть другая профессия – тренер. К тренерам я могу отнести Виктора Кудрявцева, Эдуарда Плинера, Жука и Игоря Москвина. Эти люди занимаются «техническим оснащением» спортсмена. Все, что касается постановки техники, к Тарасовой (я точно могу сказать, потому что я у нее тренировалась) имеет мало отношения. Другое дело, что у Тарасовой абсолютно неординарное мышление. Если мы все, обычные люди, мыслим прямо, то она будет обязательно пробовать вправо или влево. А может, вообще назад. Чайковская, как мне кажется, берясь за спортсмена, достаточно четко выстраивает ему стратегию поведения, работы и продвижения к результату.

Татьяна Анатольевна все решает эмоционально. Она может работать только с теми, кто ей верит беспредельно. Если со стороны спортсмена возникают сомнения – ты мне еще докажи, что делать надо так, а не по-другому, – то ситуация может развиваться в большой конфликт, и, как правило, заканчивается разрывом отношений. Она как любит наотмашь, так и бьет наотмашь. Но в ней есть, безусловно, то, что мы называем талантом. И за счет ее шестого чувства, ее неве-

роятных способностей ей многое прощается, что в нормальной жизни, обычным людям, наверное, никогда бы не произошло.

Елена Анатольевна – человек более глубокий, чем Тарасова, хотя, как любой женщине, ей в эмоциях не откажешь.

Я, например, для себя сделала такой вывод – не хочу с Тарасовой ни ругаться, ни дружить. Потому что ругаться – это неприлично и недостойно. Мы все-таки рядом столько лет прожили. Дружить же просто невозможно. А дружба – это взаимное уважение, принятие в человеке, с которым ты дружишь, не только его сильных, но и слабых сторон. Конечно, Татьяна Анатольевна старается быть человеком конъюнктурным, но это обычное поведение в нашем мире. Когда говорят, что нельзя, мол, так переманивать спортсменов, я с этим не согласна. Я понимаю, что наступает такой период, когда мы сами уходим. Я, например, к Тарасовой сама пришла. Меня никто не переманивал.

Татьяна Анатольевна умеет красиво говорить, умеет оболыщать. Нам, спортсменам, добрых слов не хватает, а тренер, который ведет своего спортсмена, он все время твердит: это надо сделать, то надо сделать, здесь ты слабинку дал, здесь не так выехал... Татьяна Анатольевна чуть ли не единственная, которая, насколько это можно, тобою восхищается. Мы же все любим ушами, особенно женщины. А в нашем мире, если ты получаешь такое ежедневное поощрение, оно дает тебе еще больше сил. У Татьяны Анатольевны долгие годы

был девиз: давайте говорить друг другу комплименты. А я вообще не умею говорить комплименты, и, естественно, наши отношения были чисто деловыми. В те годы, когда мы с Сашей у нее работали, я чем могла ей помогала.

Третья великая российская женщина-тренер – Тамара Николаевна Москвина. Мне кажется, у меня с ней были самые честные взаимоотношения. Хотя в общем-то она была для меня тренером-соперником. Но при этом мы с ней всегда общались безо всяких упреков друг к другу.

К сожалению, травмы в парном такие, как мало где в спорте. Здесь не меньшая конкуренция, чем в танцах, но там соперничество в основном словесное. В парном катании мы честнее друг к другу относимся. Каждый, кто прошел через парное катание, знает, что и для тренера, и особенно для девочек – это самый тяжелый вид спорта. Требования невероятно высокие. Мы и без судей прекрасно видим, кто сильнее в данный момент.

С Тamarой у меня был такой случай. В 1983 году мы не могли послать на чемпионат Европы ее пару Елена Валова – Олег Васильев и пару ее супруга, Игоря Москвина, Лариса Селезнева – Олег Макаров, потому что обе эти пары были дисквалифицированы за драку на тренировке. Но я прекрасно понимала, что они единственные, кто может и готов бороться с немцами Бест – Тирбах, которые за год до этого стали чемпионами. Такая, простите, пара уродцев. На моей памяти только одна немецкая пара была красивая: Кернер –

Остеррайх, они выступали в середине 1970-х. Все остальные просто корявые какие-то – и внешне, и по катанию. На тренерском совете после проката (а прокаты состоялись у меня на тренировке) я сказала, что пара Валова – Васильев должна поехать на чемпионат Европы. Я высказала свое мнение, а мне тогда с ехидством кто-то, уже не помню кто, сказал: ну и вместо кого ты их пошлешь? Третьего номера в тот момент не было, а вторыми в команде была моя пара Вероника Першина – Марат Акбаров. Я говорю: да хотя бы вместо моей пары. Жаба меня не душит. Конечно, я знала, что моим спортсменам мое мнение тут же передали. Но я привыкла всегда смотреть правде в глаза и защищать интересы команды. Думаю, что на том совете мало кто меня понял, но все-таки поддержали. Валова с Васильевым поехали на чемпионат Европы, стали там серебряными призерами, а через месяц на чемпионате мира победили. И я была рада, что косвенно им помогла. Мы с Тamarой никогда ничего не делили, особенно когда она в Америке работала. Мы с ней делились только жизненным опытом.

Москвина не постановщик. Все, что она ставит сама, как правило, выходит плохо. Точно так же, когда она сама костюмами занимается, – это тоже всегда так себе. Она тренер! Она умеет сохранить пару, она умеет выстраивать политику для пары. Я говорю только о паре, потому что она занимается в основном парным катанием. И в этом деле большой молодец. Потому что действительно есть такая проблема, скры-

тая от зрителей, – сохранить пару, создать взаимоотношения в ней. Серьезная проблема – продвижение пары, особенно когда доминировавшая прежде в парном катании линия отечественного спорта стала пошатываться. Тамара буквально спасала своих ребят. Она увозила Артура Дмитриева, будущего двукратного олимпийского чемпиона, в Америку, потому что понимала – в Питере он пропадет, ему необходимо создавать совершенно другой климат. Она сумела отстоять пару Бережная – Сихарулидзе, тем самым выводя две свои пары на олимпиаде в Нагано на первое и второе места. Я видела, с каким уважением ее спортсмены к ней относятся. Так не притворяются. Тамара Николаевна – один из немногих тренеров в фигурном катании, с которым ученики остаются.

Я не могу сказать, что у Москвиной своя школа. Школа в моем понимании – подготовка спортсмена с самого начала. Хотя у нее работала в Питере группа тренеров, и Игорь Борисович ей был только в помощь, но Тамара все-таки берет уже более или менее готовых ребят. У нее был первый опыт, когда она взяла детей, составила их в парочки и стала их вести. Это были Воробьева – Власов и Леонидова – Боголюбов. Но дальше, по крайней мере в последнее десятилетие, она стала брать взрослых ребят. Когда возникла та сложная ситуация с дракой (а у нее с мужем была одна группа парного катания), Игорь Борисович со своими ребятами стал работать в одно время, а ученики Тамары Николаевны – в другое.

Мы помогали им развести группы по времени, потому что понимали: они тренеры большие, и ученики у них серьезные.

Поскольку все пары в одно время на катке не помещались, меня просили объединиться с Игорем Борисовичем. Я ответила: конечно, все будет замечательно. Хотя, честно говоря, мне с ним приходилось нелегко. Поскольку я отношусь к нему с огромным уважением и пиететом, Игорь Борисович мог прийти и безо всякого вступления сказать: мне сейчас нужна музыка на двадцать минут. Он не спрашивал, какие у меня в этот момент тренерские планы. Или: Ира, давай сегодня так, а завтра иначе. Я под него меняла планы тренировок своих ребят. Я ни на минуту не забывала: он старше меня и опытнее, и спортсмены, с которыми он в данный момент работает, по классу выше моих спортсменов. Хотя можно было спокойно закатить истерику, как у нас это часто делают. Покричать, повопить, выбить себе какие-то преференции. Но ему нужна была музыка на двадцать минут, и я спокойно уходила на второй план безо всякого ущемленного самолюбия.

Виктора Кудрявцева я знаю меньше. Кудрявцев – человек тихий, к тому же у него всегда было только одиночное катание. Хотя звание заслуженного тренера он получил за пару Людмила Смирнова – Андрей Сурайкин, ставшую второй на Олимпийских играх 1972 года. Виктор Николаевич в обычной жизни очень незаметный. Каких-то бурных проявлений характера с его стороны я никогда не замечала. А тренер он

очень мощный. Умел любого научить прыгать.

Он в течение не одного десятилетия сохранял свой тренерский потенциал и работает по-прежнему очень хорошо. Хотя у него всякое случалось: группы расходились, сходились, наступало время, когда учеников было много, и время, когда их было мало. Но он никогда не остается без спортсменов. Если возникает вопрос, как научиться прыгать, то идут к Кудрявцеву. Если возникает вопрос, как сделать программу, идут к Тарасовой.

Был период, когда Таня со своими «мозгами в другую сторону» могла такое придумать, что другим и не снилось. Думаю, что больше всего она свою фантазию сдерживала в отношении Зайцева и меня. Потому что Шура Зайцев к любым фантазиям относился с подозрением. Поэтому на катке все время стоял дикий крик – мы наступаем на горло ее песне. Мы всегда старались быть соавторами тренера. У нас со времен Жука так было поставлено: если элемент в чем-то неудобен, как бы он ни был красив, мы от него отказываемся. Программа должна иметь стопроцентную гарантию надежности.

Как любая женщина, Татьяна Анатольевна лучше понимала женскую часть, женскую партию в паре, как в танцевальной, так и в спортивной. Что сзади делает партнер, как мне казалось, ее мало волновало. Зайцев возмущался: я устал в выпадах ездить. Если посмотреть с этой точки зрения на ее программы даже танцевальных пар, то, конечно, больше

внимания она уделяла партнерше. Поэтому Татьяне, я думаю, с нами было тяжело, хотя мы к ней пришли именно потому, что нам хотелось творчества в катании. Честно говоря, слово «мы» здесь не подходит. Это был стопроцентно мой выбор. Я мнением Зайцева не интересовалась, хотя Сашу в тот момент, и меня, естественно, тоже, очень сильно «обрабатывала» Елена Анатольевна Чайковская – ей очень хотелось, чтобы мы перешли к ней. Но я прекрасно понимала: там, где есть Пахомова – Горшков, где есть Ковалев, мы автоматически становимся третьими, а меня такая расстановка не устраивала абсолютно. Меня и Жук перестал устраивать, когда он слишком много внимания стал уделять другим ученикам. Что касается работы технической, работы по нагрузкам, здесь я была Жуком подготовлена очень хорошо. Но во всем, что касалось хореографии и композиции программ, у нас всегда были с Жуком пробелы. Исключительно за этими компонентами я в свое время пришла к Татьяне Анатольевне Тарасовой.

Невольно возникает мнение, что в фигурном катании нет тренера, который мог бы поставить технику, как Жук, прыжки, как Кудрявцев, выстроить стратегию, как Елена Анатольевна, и создать уникальную программу, как Тарасова. Но такой тренер и не нужен. Думаю, за счет разделения специальностей и держится американское фигурное катание. Именно так построено обучение в их бесчисленных лагерях,

куда приезжают спортсмены со всего мира. Я в Штатах оказалась в школе, где у меня основным направлением деятельности была силовая работа, скольжение и, естественно, парное катание. Обучение технике скольжения целиком и полностью лежало на мне. Я, конечно, создавала и программы. Во всяком случае, первые программы, с которыми Мишель Кван выехала на свой первый чемпионат мира, были моими. Но сразу могу сказать, я не очень люблю работать над программой. Поэтому кому-то доставались программы, а меня просили составить комбинацию дорожек и спиралей – то есть то, в чем я была сильнее других. Умению дышать во время исполнения программы нас никто и никогда не учил. А это целая наука, и в ней есть свои специалисты. Не сомневаюсь, что большинство наших тренеров об этом не задумывались. Где, под какие шаги как надо дышать, как набирать скорость, как ее экономить, как, наоборот, выдавать по полной? В принципе с нами этим немножко занимался Жук, а дальше мы уже сами все разгадывали, потому что с возрастом приходит опыт.

Самое страшное в программе – остановка. Как после этого сохранять скорость, энергию и силу? Остановиться и снова начать движение? Это очень сложно, особенно в парном катании. В одиночном такое еще можно относительно легко преодолеть. Петренко, когда стал постарше и повзрослее, и, что немаловажно, потяжелее, начал в программе все время танцевать: прыгнул, остановился, потанцевал, отдохнул,

потом два-три прыжка сделал, опять потанцевал... Девочки визжат, и вроде какая-то необычная композиция получается. Для нас, для парников, сохранять энергию, скорость, инерцию очень важно. И поэтому какие-то переходы, которые Таня нам предлагала, были в принципе невозможны. Потому что если пара остановилась, то снова с места набирать ход – это катастрофа, во всяком случае для нас с Зайцевым. Мы разношаговые: у меня короткие ноги, у него – длинные, у меня скоростная пружинистая мышца, у него – длинная мышца. Это такие тонкости, которые даже опытные специалисты не всегда до конца понимают.

В любой программе есть два мертвых угла. И самое главное – в эти углы не забраться. Если туда попадешь, придется долго выбираться. То есть для зрителя, но прежде всего для судьи, это правый ближний и левый ближний углы. Арбитры не видят эти углы или им надо буквально выкручивать шеи. Причем получается так, что левый угол более или менее видят одни судьи, а правый – другие. Есть такое выражение, особенно по отношению к парному катанию: элемент смотрится, как на сцене. То есть в одну сторону смотрится хорошо, а в другую – в нем можно увидеть ошибки или какие-то некрасивые позы.

Думаю, что значительная часть молодых специалистов тоже не знают или не очень понимают это. Но я не могу сказать такое про Москвину. Она из тех тренеров, которые все время учатся, постоянно. Она внимательно смотрит за тем, что

другие делают, она всегда подойдет, спросит, не стесняясь. Не факт, что она их применит, но в свою копилку складывает. С одной стороны, вроде легкая дипломатия, уважение к коллеге, а с другой – это и процесс: чем ты больше мнений выслушиваешь, тем шире твои возможности.

У Игоря Борисовича Москвина была своя нестигаемая позиция. Он мог совершенно спокойно Валентину Писееву, тогда начальнику управления комитета, сказать: я не могу в эти сроки устраивать прокаты, потому что, предположим, мне надо картошку копать на даче. Он оставался человеком абсолютно непримиримым и непонимаемым. Его за это постоянно били. Хотя я считаю, что Игорь Борисович всегда работал очень интересно. Я видела, как фигуристы-американцы, когда они с Тamarой работали в Штатах, к нему прилипали. Он умел и умеет привораживать учеников.

Отношения между тренерами в нашей стране всегда были крайне недружественными. Все считают вправе друг у друга забирать спортсменов. Все считают вправе друг друга обижать. Может быть, оттого, что конкуренция очень высокая. Может быть, практика взаимоотношений, и не только в фигурном катании, а вообще в стране, имела некую патологию, и это дальше передавалось уже на отдельные области. Всегда считалось, что три кита (точнее, три дамы) захватили эту поляну, и сколько бы ни билась, ни пробивалась туда, например, Наташа Дубова, в этот элитный клуб она так попасть и не смогла. Хотя я считаю – со своими учениками по уров-

ню и качеству скольжения она, конечно, двух наших великих превзошла.

Переманивание касалось любого тренера не только в нашей стране. В Америке я столкнулась с теми же проблемами. Только решались они по-иному. У одного из самых известных специалистов, Фрэнка Кэрولا, с Боуманом, его учеником, наступил тяжелейший период. Я присутствовала при этом и наблюдала, как стоически из него выходил Фрэнк. Боуман то работал, то не работал, короче, валял дурака. Но наступил момент, когда Фрэнк больше не мог терпеть, хотя честно пытался выполнять свои тренерские обязательства. И в конце концов Боуман решил уйти к Джону Никсу, то есть спуститься вниз с горы, на которой мы сидели, на равнину. Никс сам позвонил, сказал Фрэнку, что к нему просится Боуман. Фрэнк ему ответил, что тот абсолютно свободен в своем выборе, более того, они еще долго обсуждали, как и над чем необходимо работать с Боуманом. Точно так же, если ко мне приезжали спортсмены, я в первую очередь спрашивала: есть ли на это разрешение их личного тренера или федерации. Особенно если они приехали из других стран. Обязательно должно быть письмо, рекомендация прежнего тренера новому, над чем желательно поработать. Или я сама звонила и общалась с личным тренером новых учеников и спрашивала у него, над чем поработать с его спортсменами. Это называется профессиональной этикой, которая у нас почти полностью отсутствует.

Наша этика – это использовать служебное положение супруга в Госкомспорте, знакомство с большим начальством. Все поразительно интриговали. С одной стороны, просто диву даешься, как Писеев столько лет держится при всех этих тайнах мадридского двора. С другой, понимаешь, почему он усидел. Ведь ни разу наши великие тренеры не встали единым фронтом, в отличие от тренеров в других видах спорта.

Каждый год, едва начинался новый сезон, можно было наблюдать: кто-то с кем-то сошелся, а кто-то, напротив, разошелся. Особенно на первых сборах было видно, какие образовались новые тренерские группировки и коалиции. Тоже своеобразная этика. За каждым ведущим тренером стояла определенная группа тренеров и даже судей. Плюс еще интересы спортивных обществ. Судей из профсоюзов, то есть «Спартак», «Локомотива», например, всегда было больше. К концу сезона разваливаются одни группировки, собираются другие. То у Чайковской с Тарасовой любовь до гроба, и они воркуют как голубки, то не замечают друг друга.

Только Москвиной удавалось удержаться – видно, из-за расстояния: тогда Питер считался провинцией, не то что сейчас. Тамара никогда никаких группировок не организовывала и стояла от них в стороне. Может быть, их спасало то, что рука Писеева до Питера не могла так легко дотянуться? Имея два с половиной катка, питерская школа в самое тяжелое время смогла сохранить не только результаты и тренерские кадры, но и интерес людей к нашему виду спорта. До

сих пор они находятся в куда более тяжелых условиях, чем тренеры в Москве. Тем не менее смогли скооперироваться. В 2007-м, когда я писала эту главу, там сложилась нелегкая ситуация – все пары тренировались на одном катке. А надо помнить, что все наше парное катание на сегодняшний день – это один Питер. Всё!

Самая гениальная фигура в отечественном фигурном катании – Валентин Николаевич Писеев.

Однажды, не выдержав, Тарасова и ее ученики написали совместное письмо в ЦК партии. ЦК партии спустило его вниз, и оно дошло до разбирательства на федерации. Татьяна на него не пришла. Пришли Бестемьянова с Букиным, которые, как верные ученики, подписали это письмо. И началось избиение младенцев. Потому что Бестемьянова и Букин не настолько сильные ребята, чтобы сопротивляться таким монстрам, которые против них сидели, – Паша Ромаровский, Вячеслав Иванович Зайцев, Шура Горелик... Я предложила: давайте в конце концов сделаем то, что поручено, – разберем деятельность Валентина Николаевича Писеева. На результатах нашего парного катания он попал в технический комитет ИСУ. Что он там делал, страшная тайна. Подозреваю, что, не зная языка, ничего не продвигая, он просто отсиживал время. А мы потеряли влияние именно в тот момент, когда наши пары наработывали огромный задел, на котором можно было долго жить и диктовать на правах лидеров свои условия.

Писеев оказался в фигурном катании в конце шестидесятых. Он работал мелким чиновником в Госкомспорте с 1967 года. В 1968-м на Олимпийских играх без своего судьи, без тренера, без какой-либо работы в международной федерации одиночницы Елена Щеглова и Галина Гржибовская заняли приличные места, то есть вошли в десятку. К Олимпиаде 1972-го и Щеглову, и Гржибовскую уже убрали из спорта, они закончили кататься. А теперь раскрываю фокус, как можно удержаться в начальниках при отсутствии призовых мест. Чемпионкой Советского Союза стала Елена Александрова, но она была не в лучшей форме. Экс-чемпионка страны Марина Титова тоже оказалась не в форме. Принимается гениальное решение, и на Олимпиаду в Саппоро отправляется Марина Саная, которая на этих Играх становится самым молодым участником. Если ты везешь на Игры чемпиона Советского Союза, то с тебя как с начальника отдела спросят результат. Но если ты везешь самого молодого, то какой с тебя спрос? А в одиночном катании и в паре (танцев на Олимпийских играх тогда еще не было) мы уже давали результат. То же самое Писеев проделал на Олимпийских играх семьдесят шестого, когда вытащил в Инсбрук Водорезову. Итог: Саная двадцать пятая – двадцать третья. Лена Водорезова при «продаже» нашей третьей пары в танцах и при всех сложных переговорах в парном катании заняла аж тринадцатое место. В 1980-м мы уже возем молодую Киру Иванову, потому что Лена Водорезова вся в травмах. Опять ни-

какого спроса, никакого результата. Но случилось чудо – Кира выстояла и в 1984-м дала призовое место на Олимпийских играх. Единственная спортсменка, которая у нас выдержала две Олимпиады, и сразу пошел результат.

Писеев защищал себя, а не занимался развитием вида спорта. Он спасал свое кресло, потому что по невыполненным результатам Олимпийских игр, как правило, летят головы. В парном катании самое большое его достижение – это уничтоженная московская школа, теперь ее просто нет. При всем моем уважении к Мозер, которая сама в парном катании каталась на неведомом мне уровне. Она дочка Мозера из Киева, с которым мы вместе работали в «Динамо». Она и олицетворяет все парное катание в Москве, где когда-то мы имели лучшие тренерские кадры и чемпионов. В 1977 году у Жука появились два дуэта: Черкасова – Шахрай и Пестова – Леонович. Под эти две пары в один год из сборной Советского Союза вывели пять пар. А как же иначе освободить место? Не знаю, может это идея Жука, которую воплотил Писеев? Провели такую акцию омоложения. Но парное катание никогда особенно молодым не было. Убрали тогда пару Рейников, Шаранову с Евдокимовым, Спиридонова с Волянской. Тот еще год. Пять пар убрать из сборной Советского Союза!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.